

Знамя юности
г. Минск

11 СЕН 1986

На соискание Государственной премии БССР

ОДНА РОЛЬ НАТАЛЬИ КОСТЕНКО

В мае 1985 года Белорусский театр оперы и балета поставил оперу Прокофьева «Война и мир». Молодая певица Наталья КОСТЕНКО исполняет в этом спектакле партию Наташи Ростовой. Она так заразительно передает свойственную Наташе радостную готовность к жизни, невероятную интенсивность в переживании каждого мгновения, что мы принимаем ее сразу и безоговорочно. Сама Костенко, как и Наташа в романе, словно излучает силовое поле, воздействию которого невозможно противиться.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ идеального внешнего соответствия актрисы своей героине (а как трудно его достигнуть, если портрет в литературном первоисточнике выписан с такой подробностью, конкретностью!) представляется мне вторичным, производным от соответствия внутреннего, эмоционального... Едва ли кто-нибудь, увидев светлоглазую, светловолосую Наталью Костенко в жизни — такую современную интеллектуалку, — разглядит в ней толстовскую Наташу. Разве что подвижность, изменчивость лица смогут ее напомнить. А на спектакле то и дело слышишь: «Это живая Наташа Ростова!»

Вот Костенко — Наташа в начале сцены бала, трепещущая от напряженного ожидания, одинаково готовая умереть от счастья или от отчаяния. Надо слышать, каким волнением звенит ее голос, выпевая поэтический, устремленный ввысь Наташин лейтмотив со словами: «Неужели же никто не подойдет ко мне, и я не буду танцевать между первыми!» Вот она в той же картине заканчивает вальс с князем Андреем, медленнее идет с ним к рампе, и восторженное выражение словно губкой стирается с ее лица, уступая место растерянному, трагически отрешенному... Герои в этот миг предчувствуют, прозревают свою судьбу. И тут же вспоминается Ростова — Костенко на другом балу, у Элен. Разгоряченная танцами, одурманенная сладкой лаской обольстительной интриганти, Наташа присела отдохнуть на ниды, проявилась в спектакле

кушетку, но что-то беспокоит ее, раздражает, будто обжигает — это она спиной ощущает страстный взгляд Анатоля. И еще один образ оживает перед глазами из самой драматической картины с участием Наташи — «У Ахросимовой»: героиня с криком проносится из-за кулис и падает к ногам Сони и Ахросимовой — «Я хуже, хуже всех...» Разработанные режиссером мизансцены так органично усвоены, обжиты актрисой, что кажутся симпривизированными у нас на глазах, как сиюминутный отклик на внутреннее состояние героини. Это как раз тот случай, когда «режиссер умирает в антере».

Я пока касалась почти исключительно зримой, пластической стороны образа Наташи Ростовой, созданного Костенко. Эта сторона ее исполнения действительно глубоко впечатляет, может быть, потому, что для оперных артистов она часто становится камнем преткновения. Но не менее сильна Костенко во владении главным средством выразительности в опере — вокальной интонацией. Чутко уловить и передать голосом тончайшие душевные движения — как бы усилить переживания героини собственным сопереживанием, раскрыть не только заключенное в словах содержание, но и тот эмоциональный отклик, который они вызывают, — эта способность Костенко, уже известная любителям оперы по партиям Антонины, Джильды, Иоланты, Антонины, проявилась в спектакле

«Война и мир» значительно полнее. Дело тут и в психологической многомерности образа Наташи, и в музыкально-драматургическом богатстве материала, и, вероятно, еще в том, что подступом к партии Наташи стала для молодой артистки работа над монооперой Ф. Пуленка «Человеческий голос». Вздвигнутая, нервно-эксальтированная музыкальная речь героини, широчайший спектр ее эмоциональных реакций на слова невидимого и неслышимого публичной собеседника на другом конце телефонного провода, трепетные обращения к телефонистке (будто сама жизнь покинутой женщины зависит от того, сколько продлится этот мучительный последний разговор) — все особенности жизнен-

ного и музыкального содержания этого необычного произведения побуждали Костенко отточить свое интонационное мастерство. Ценный, незаменимый опыт!

В недавно выпущенной в свет книге известного оперного режиссера Л. Михайлова «Семь глав о театре» есть очень точно сформулированное программное высказывание: «Дух времени выражается в опере главным образом через интонирование. Интонация — это жизнь, зафиксированная в авторском тексте. Интонирование — произнесение авторского текста исполнителем. Контакт со зрительным залом дает только современная интонация и современное интонирование... Сегодня, например, зритель, как я ощущаю, хочет

глубокого погружения в душу героя, тонких приемов анализа, особой нервной настройки». Думается, Н. Костенко — как раз из тех исполнителей, кто отвечает этим требованиям и потому неизменно достигает контакта со зрительным залом. Одно из самых красноречивых тому свидетельств — ее Наташа.

Готовя материал о Костенко в роли Наташи Ростовой, я прослушала на радио полную запись оперы С. Прокофьева «Война и мир» и снова убедилась в том, что для всего коллектива этот спектакль явился значительным шагом вперед в овладении современным театральным реализмом. Жить в образе, осмысленно, эмоционально наполненно доносить прокофьевский музыкальный текст и толстовское слово удается большинству участников спектакля, независимо от размеров их партий. И за Наталью Костенко я порадовалась. Вероятно, хорошо работалось ей — пожалуй, самой молодой из всех солистов — в партнерстве с такими прониновенными певцами-актерами, как, прежде всего, А. Савченко — князь Андрей, как В. Экиндисов — Пьер, О. Тишина — Ахросимова, Н. Руднева — Соня... Под руководством таких творчески самостоятельных, влюбленных в материал людей, как дирижер Г. Проваторов, режиссер С. Штейн. В декорациях Э. Гейдебрехта, которые в первой, мирной части спектакля будто специально созданы для того, чтобы проявлять настроенность Наташиной души...

...20 сентября спектаклем «Война и мир» театр открывает свой 54-й сезон, и Костенко выйдет на сцену в образе Наташи. Приходите сами, смотрите, слушайте и, надеюсь, вы со мной согласитесь!

Зав. литературной частью ГАБТа БССР
Е. СОЛОМАХА.
Фото А. Кушнера.